

Крылов Д.С.¹, Останин-Головня В.Д.²**Незападные модели демократии
на Арабском Востоке:
идейно-ценностный аспект**

Аннотация. В статье анализируются особенности построения демократии в государствах Арабского Востока в целом и на конкретных примерах отдельных стран с учетом этноконфессиональной и идейно-ценностной специфики данного региона. В рамках статистического, сравнительного и исторического методов исследования, а также метода системного анализа и идейно-ценностного подхода рассматриваются результаты «экспорта демократии», осуществлявшегося странами «коллективного Запада» в регионе Ближнего Востока и Северной Африки в конце XX – начале XXI в., на примере опыта четырех государств: Туниса, Ливии, Египта и Ирака. Анализируются результаты социальных опросов, проводившихся на Арабском Востоке в 2021–2022 гг. Делается вывод, что в арабских странах отсутствует опыт успешного построения и долгосрочного сохранения демократии. При этом традиционные трибализм и клановость продолжают играть ключевую роль в жизни государства даже при переходе от авторитарной формы правления к демократической. Кроме того, во многих арабских странах переход к демократии осуществлялся через революции, приводившие к серьезному ослаблению экономиче-

¹ **Крылов Данила Сергеевич** – научный сотрудник ИНИОН РАН (danila-krylov@yandex.ru).

² **Останин-Головня Василий Дмитриевич** – научный сотрудник, ИНИОН РАН (ostanin-golovnya@yandex.ru).

ского потенциала этих государств, что, в свою очередь, способствовало новому подъему революционных настроений. Особое внимание авторы уделяют религиозному фактору, поскольку ислам не только является базисом исторического облика рассматриваемого региона и арабско-мусульманской цивилизации в целом, но и традиционно играет важнейшую роль в социально-политических процессах мусульманского Востока.

Ключевые слова: Арабский Восток, Ближний Восток, Северная Африка, демократия, незападная демократия, исламская демократия, идейно-ценностный подход.

В период холодной войны идейно-ценностный ландшафт мировой политики во многом определялся антагонизмом так называемых западного и восточного блоков, представлявших, помимо прочего, две модели демократии – либеральную (капиталистическую) и народную (социалистическую). Поэтому распад СССР и завершение биполярного периода в развитии международных отношений многие восприняли как безоговорочную победу западной модели демократии, что заметно укрепило ложную веру в безусловное преимущество ее общественно-политических параметров государственного устройства и универсальность ее ценностного базиса. Одним из ярчайших примеров подобного триумфализма является знаменитый тезис Фрэнсиса Фукуямы 1989 г. о «конце истории», обусловленном окончанием «идеологической эволюции человечества» и универсализацией «западной формы либеральной демократии» [Fukuyama, 1989, p. 4]. Однако если сам Ф. Фукуяма позже все-таки пересмотрел свою концепцию [Lieven, 2006], то большая часть западных элит продолжает существовать в ее рамках.

Навязывание ведущими государствами «коллективного Запада» стандартов современной либеральной демократии странам афро-азиатского пространства стало неотъемлемой частью глобализации. Насаждение либеральной демократии происходит без учета исторического опыта восточных государств, их культурной, этнической и религиозной специфики, что становится причиной возникновения серьезных кризисов. С исторической точки зрения такой подход можно расценивать как почти прямое продолжение колониальной вестернизации конца XIX – начала XX в. [Аватков,

Останин-Головня, 2022, с. 116–117]. Однако для стран Евро-Атлантического сообщества данный процесс имеет концептуальное значение, поскольку позволяет принимать участие в конфликтах за пределами формальной зоны ответственности НАТО под эгидой «миротворчества» и вмешиваться во внутренние дела независимых государств с целью «защиты демократии» [Шамаров, 2019, с. 27–28]. В этом отношении весьма показателен Саммит за демократию, проведенный администрацией президента США Дж. Байдена в декабре 2021 г. при весьма спорном составе участников под лозунгами «укрепления демократии» и «защиты от авторитаризма» [Summit for democracy ..., 2021].

Очевидно, что западная модель демократии не обладает универсальным характером. Поэтому на современном этапе вновь актуализируются вопросы о содержании самого понятия «демократия», а также о возможных вариантах реализации принципов народовластия в странах, не относящихся к «коллективному Западу». Немалое значение в данном контексте имеет идейно-ценностный аспект. При рассмотрении незападных форм демократического устройства именно от характерных особенностей ценностного базиса будет зависеть ответ на вопрос, сформулированный О.Н. Барабановым: можно ли дать незападным формам демократии «позитивную самостоятельную дефиницию или же они характеризуются только лишь отрицанием западных моделей?» [Барабанов, 2021]. При этом важно учитывать, что, в отличие от «коллективного Запада», который в контексте идейно-ценностного подхода имеет практическое воплощение в рамках НАТО, «Восток» представляет собой собирательную категорию, включает множество стран и регионов, абсолютно различных по своим общественно-политическим и культурно-историческим параметрам.

В условиях происходящей трансформации миропорядка, когда уже само сохранение западной гегемонии становится неочевидным, изучение незападных моделей демократии и политического опыта стран афро-азиатского пространства оказывается важным звеном при построении гипотез о вероятных конфигурациях будущей системы международных отношений. В данном контек-

сте крайне интересным представляется анализ политического ландшафта Арабского Востока, так как целый ряд относящихся к нему государств, многие из которых появились на политической карте мира лишь в XX в., сейчас играет заметную роль на мировой арене. Вместе с тем арабские страны, реализуя традиционные формы народовластия через исламские и кланово-племенные институты, в ряде случаев смогли выдвинуть и реализовать собственные модели демократического устройства, обладающие чрезвычайно оригинальным и самобытным идейно-ценностными фундаментом.

Опыт построения «демократии» в арабских республиках

Говоря о демократии в государствах Арабского Востока, следует учитывать различия между тремя «видами» демократии: 1) законодательной (система ветвей и органов власти, конституционные особенности и нормы); 2) политической (внутренний и внешний государственный курсы, провозглашаемые идеалы, идеи и ценности); 3) оценочной (оценка внешними акторами уровня «демократичности» того или иного государства, исходя из своих национальных интересов и представлений о демократии).

Кроме того, следует уделять особое внимание географическим особенностям, историческому пути, идейно-ценностным базисам и политической специфике как всех арабских стран в совокупности, так и каждого государства в частности.

Так, исторически территории и народы арабских стран Ближнего Востока и Северной Африки многие столетия находились под контролем крупных государственных образований (Арабского халифата и Османской империи). При этом географическая удаленность отдельных территорий от административных центров нередко становилась причиной определенной обособленности тех или иных пространств и местных властей от постоянного и непрерывного контроля со стороны государства. Поэтому, например, страны Магриба (к которым относятся современные Алжир, Ливия, Мавритания, Марокко, Тунис и Западная Сахара¹)

¹ Западная Сахара – частично признанное государство. Позиция России по данному вопросу заключается в том, что долгосрочное и действенное урегулирование в этом регионе возможно только на основе выполнения резолюций СБ

со временем начали в большей степени контактировать с европейскими странами Западного Средиземноморья и перенимать, в числе прочего, их политические традиции. После распада Османской империи и установления на основании ст. 22 Версальского договора системы мандатных территорий, согласно решению Лиги Наций, страны Магриба, в отличие от арабских государств Ближнего Востока, остались в составе европейских стран в качестве колоний.

Только после образования ООН и начала распада колониальной системы государства Магриба смогли выйти из-под официального контроля над их территориями со стороны европейских держав (преимущественно Франции, но также Италии). При этом процесс обретения независимости сопровождался не только множеством политических и социально-экономических трудностей, но и попытками выстроить государственность по европейскому образцу. В результате в ряде стран были созданы привычные для Европы государственные институты и система разделения властей, однако они или существовали достаточно условно, или наследовали клановую структуру власти, понятную местным руководителям и народу. Параллельно схожие процессы происходили и в арабских странах Ближнего Востока. Таким образом, процесс формирования политических демократий в большинстве арабских государств потерпел фиаско. Кроме того, в период биполярного противостояния арабские страны в значительно большей степени интересовались вопросами получения военно-технической и материально-экономической помощи со стороны одной из двух сверхдержав (СССР или США), нежели вопросами «демократичности» правящего режима и конституционности государственного устройства (при этом большинство республик тяготели к советской системе и находились в орбите влияния Советского Союза).

После распада Советского Союза и превращения системы международных отношений из биполярной в однополярную си-

ООН, в рамках Устава ООН и с учетом результатов прямых переговоров между Марокко и Фронтом Полисарио, который ООН признает легитимным представителем народа Западной Сахары [Посол России ..., 2022].

туация значительно изменилась. Поскольку Москва перестала быть сдерживающим фактором, Вашингтон перешел в политическое наступление на Ближнем Востоке и в Северной Африке. Политическая экспансия США усилилась после 2003 г., когда практические действия на территории суверенных государств стали дополняться искусственными американоцентричными идейно-ценностными конструктами. Так был создан образ «светлого будущего» для стран региона, которого они смогут достигнуть, если будут следовать американским «рекомендациям».

Первым шагом на пути к построению «светлого будущего» США объявили проведение военной операции в Ираке: она должна была положить начало демократической и либеральной перестройке всего региона [Вавилов, 2009, с. 196]. Параллельно стартовал процесс политической унификации и концептуального упрощения политических систем ближневосточных государств – так называемый проект Большого Ближнего Востока, разработанный Фондом Карнеги за международный мир (США) по заказу администрации США в 2004 г. [Большой Ближний ..., 2018]. В рамках проекта Большого Ближнего Востока его авторы пытались объединить политически и социально-экономически гетерогенные регионы Северной Африки, Восточной Африки, Ближнего Востока и Южной Азии (впоследствии различные исследователи также относили к Большому Ближнему Востоку Закавказье и Среднюю Азию). Подобное обобщение различных геополитических и геоэкономических пространств и упрощенный подход к происходящим там процессам создали иллюзорное представление о возможности применения одинаковых технологий в любом государстве этого региона для его политической трансформации в необходимом Вашингтону ключе. Кроме того, географически и политически Большой Ближний Восток совпал с «дугой нестабильности» З. Бжезинского.

Проводимая Соединенными Штатами региональная политика демократического мессианства (в рамках которой американская модель демократии бралась за эталон), прикрытая аргументами в духе «противодействия террористическим угрозам», не способствовала сохранению политической стабильности и безо-

пасности в регионе [Волович, 2004]. Как следствие, череда революций и гражданских войн привела к краху государственности во многих странах арабского мира и страданиям их населения (в некоторых странах гражданские войны продолжаются до сих пор). Причем в большинстве случаев (исключая военную интервенцию США в Ирак) эти процессы происходили без внешнего военного вмешательства, но через технологии информационных манипуляций, а также посредством экономического воздействия как на правящие режимы, так и на народные массы данных стран. Показательным примером стали события «арабской весны» 2011 г., приведшие к значительным трансформациям в арабском мире как на региональном уровне, так и на уровне отдельных стран.

Следует отметить, что во время «арабской весны» монархии продемонстрировали большую устойчивость перед революционными процессами, нежели республики. Монархи предлагали реформы, позволявшие, с одной стороны, снизить уровень народного недовольства, а с другой – сохранить власть монарха в государстве. Кроме того, значительную роль играли существующие при монархах совещательные органы, которые оказывали влияние на решения глав государств. В то же время в республиках совещательные органы преимущественно представляли собой парламенты, члены которых формально избирались по западному принципу, но фактически сохраняли не столько приверженность партийной системе (если таковая существовала), сколько трайбализму и исторически сформированной структуре распределения власти между различными кланами в государстве. При этом идейно-ценностный базис, связанный с ролью ислама в жизни государства и общества, в монархиях и республиках различался: в монархиях ислам – один из столпов власти государя, в то время как в республиках ислам чаще всего обозначен в конституции как государственная религия (например, ст. 2 Конституции Египта [Egypt 2014 ..., 2019] или ст. 1 Конституции Туниса [Tunisia 2014 ..., 2019]), но при этом основные государственные решения принимают светские лица.

Далее речь пойдет о четырех странах, которые являют собой самые яркие примеры «демократических» трансформаций на

Ближнем Востоке и в Северной Африке: Ливии, Тунисе, Ираке, Египте. Выбор именно этих стран обусловлен масштабными историческими и политическими процессами, происходившими на их территориях в конце XX – начале XXI в. Два государства (Ливия и Тунис) расположены в Северной Африке, одно (Ирак) – на Ближнем Востоке, еще одно (Египет) владеет территориями и в Северной Африке, и на Ближнем Востоке и является (в том числе благодаря своему географическому положению) кроссрегиональной державой и одним из пяти государств – лидеров политического пространства Ближнего Востока (наряду с Израилем, Ираном, Турцией и Саудовской Аравией). Все четыре государства формально являются республиками, но, по состоянию на ноябрь 2022 г., два из них (Ливия и Ирак) находятся в положении так называемых *failed states*, «несостоявшихся» государств, которые в силу различных обстоятельств не способны поддерживать свое существование в качестве суверенных политических и экономических единиц. При этом каждая из четырех республик имела собственный опыт, связанный с «демократией», и так или иначе сталкивалась с западными (в первую очередь – американскими) экспериментами по экспорту «демократии». Учитывая ограниченные рамки данной публикации, наибольшее внимание уделено Ливии и Тунису, в то время как обзор ситуации в Египте и Ираке дан в сжатом виде. Причина этого в том, что в Египте революционные процессы происходили преимущественно в период с 2011 по 2013 г. и в настоящее время практически не развиваются, а Ирак в период с 2003 по 2022 г. находился под частичной или полной американской оккупацией и внутренним управлением, его Конституция была создана в Вашингтоне по «демократическим лекалам» США и не соответствует реальной ситуации в стране.

Ливийский сценарий. До революции 2011 г. в Ливии существовала «особая» форма государственного правления и устройства, созданная М. Каддафи примерно в середине 1970-х годов, которая получила название «джамахирия». Идея «джамахирии» как прямого народовластия отличается от концепций как марксистского социализма, так и западного капитализма [Егорин, 2009, с. 4]. Фундаментом для построения «джамахирии» стала «Зеленая книга» –

труд М. Каддафи, впервые опубликованный в 1976 г. В «Зеленой книге» предложена модель управления государством на основе демократических идеалов. По мнению Каддафи, прямая демократия является незыблемым основанием демократического общества; партии, выборные парламенты и референдумы подверглись критике (и были запрещены в Ливии). Для обеспечения реальной власти народа были созданы новые органы управления: народные конгрессы и народные комитеты, которые с учетом народного самоконтроля должны были обеспечить функционирование представительной демократии [Каддафи, 2015, с. 2–16]. Базовым элементом политического устройства был провозглашен так называемый Закон общества, представляющий собой набор традиционных и исторических аспектов управления обществом, важнейшим из которых является религия [Демиденко, Файншмидт, 2018]. Реформы затрагивали также другие сферы общественного устройства и экономики. Во внешней политике М. Каддафи призывал реформировать Совет Безопасности ООН, указывал на несправедливое отношение сильных держав к малым, а также на противоречия в Уставе ООН [Каддафи, 2012, с. 138–145].

В целом представленные в «Зеленой книге» идеи, которые иногда называют «третьей мировой теорией», были совершенно утопичны. Как показал ливийский опыт, основным положительным результатом подобного построения государственности стал экономический рост, а реализовать прямую демократию на практике не удалось. Тем не менее сама концепция «джамахирии» является ярким примером попытки переосмысления современной теории демократии [Тюрин, 2017, с. 23].

Революционные процессы в Ливии, начавшиеся в 2011 г. на фоне других протестных движений «арабской весны», были вызваны не столько внутренними социально-экономическими проблемами (как, например, в Египте), сколько политическими амбициями ряда племен Киренаики (на востоке страны) и берберов региона Джебель Нефуса (на западе страны), которых М. Каддафи лишил доступа к власти, а также разочарованием молодого образованного поколения в системе «джамахирийского народовластия». При этом средний класс стремился к построению демокра-

тии, а появившаяся в результате либерализации экономики национальная буржуазия боролась с бюрократией и коррумпированностью. Помимо всего прочего, одним из поводов к массовым протестам стало намерение действующего лидера М. Каддафи передать власть по наследству своему сыну Сейф аль-Исламу [Подцероб, 2011]. Но значительная часть армии и большинство населения Феццана и Триполитании не поддержали протесты. Окружение М. Каддафи предлагало в качестве мер реагирования на требования оппозиции принять конституцию и провести парламентские и президентские выборы.

Тем не менее в результате событий 2011 г. именно оппозиционные силы, несмотря на их слабость и отсутствие консолидации, смогли одержать вверх в противостоянии с центром и попытались подчинить себе власть в государстве. Им помогла в этом не столько поддержка ливийского народа или армии, сколько вооруженная интервенция НАТО, совершенная в рамках операции «Объединенный защитник» (англ. Unified Protector). В течение семи месяцев авиация Североатлантического альянса планомерно уничтожала наземную (в том числе и гражданскую) инфраструктуру Ливии. В ноябре 2011 г. постпред России при НАТО Д. Рогозин высказал мнение, что НАТО фактически взяла на себя «право выбора будущего Ливии», который в итоге свелся к выбору между «тираном» и «исламизмом». В операции также принимали участие бойцы спецподразделений и военные советники из Великобритании, Франции, Катар и ОАЭ [НАТО официально ..., 2011]. В ходе операции «Объединенный защитник» М. Каддафи, правивший страной более 40 лет, был убит, его режим – свергнут.

Как показали последующие годы гражданской войны, западная попытка «экспорта демократии» при помощи жесткой военной силы и принуждения и военная поддержка оппозиции не помогли новым ливийским властям создать более эффективную модель управления. Напротив, власть де-факто перешла в руки противоборствующих военизированных группировок [Дорошенко, 2014], из которых постепенно сложились две крупные фракции – Ливийская национальная армия (ЛНА) под руководством Х. Хафтара и Правительство национального согласия (ПНС), которым с

апреля 2016 г. по февраль 2021 г. управлял Ф. Саррадж. За годы вооруженного противостояния демократия в стране так и не была установлена, и государство столкнулось с огромными экономическими и человеческими потерями. Впоследствии благодаря усилиям ООН и стран-посредников удалось достичь некоторого перемирия между двумя группировками и начать процесс политического урегулирования. Очередной этап процесса урегулирования стартовал в январе 2020 г. на конференции в Берлине [Международный процесс ..., 2020], а одним из его ключевых элементов должны были стать президентские выборы. Тем не менее выборы постоянно откладывались и переносились. В 2021 г. Ф. Саррадж ушел с поста главы ПНС [Файез Саррадж ..., 2021] и было сформировано новое переходное правительство. Последней объявленной датой президентских выборов являлось 24 декабря 2022 г. [Магид, 2022].

Тунисская революция и ее последствия. Тунис был первой страной, которую в 2011 г. охватили революционные процессы, впоследствии названные «арабской весной». При этом по сравнению с другими странами «арабской весны» тунисский переход к «демократическому» правлению выглядит наиболее успешным.

После свержения режима Зин-аль-Абидина Бен Али, который правил страной более 20 лет, страна смогла избежать гражданской войны. В ходе проведенных выборов победу одержали умеренные исламисты из партии «Ан-Нахда». В отличие от «Братьев-мусульман»*, почти одновременно пришедших к власти в Египте, новые власти Туниса не пытались сосредоточить всю власть в своих руках, но, как и в Египте, оказались неспособны справиться с проблемами в экономике и недовольством населения. В результате в 2014 г. правительство мирно ушло в отставку. На новых выборах победила светская партия «Нидаа Тунис», лидер которой Б.К. Ас-Сибси выиграл последовавшие президентские выборы. Тем не менее социально-экономический кризис преодолеть не удалось, и следствием этого стали постоянные смены правительств. Всего за период с 2011 по 2021 г. в стране сменилось десять правительств. Все эти годы партии и группировки делили власть, что приводило к ослаблению экономики, росту безработицы и социальной неустойчивости [Дризе, 2021].

Нынешнее правительство Туниса, сформированное после разразившегося в 2021 г. очередного политического кризиса, возглавляет первая в истории страны женщина премьер-министр Наджла Буден. В июле 2021 г. на фоне краха тунисской системы здравоохранения во время пандемии COVID-19 и последовавшего нарастания социально-экономических и внутривнутриполитических проблем действующий президент страны К. Саид (занимал свой пост с октября 2019 г.) объявил об отставке правительства и замораживании работы парламента [Amara, Mcdowall, 2021]. Следует отметить, что в 2011–2014 гг. К. Саид был одним из разработчиков проекта Конституции Туниса (принята в 2014 г.). Тем не менее в 2021 г. многие СМИ и политические организации назвали решение президента «политическим переворотом» [Lotito, 2021]. Так, спикер парламента Р. Аль-Ганнуши заявил, что действия президента страны – «нападение на демократию» и призвал к протестам [Parker, 2021]. Вслед за этим последовали массовые демонстрации как против решения К. Саида, так и в его поддержку.

Противостояние продолжается и по сей день, и ситуация еще более усложнилась, поскольку 25 июля 2022 г. (спустя год после начала кризиса) в Тунисе был проведен конституционный референдум, в ходе которого проект новой Конституции получил одобрение 94,6% проголосовавших граждан (при явке около 30%) [En Tunisie ..., 2022]. Референдум бойкотировали многие крупнейшие политические партии Туниса. Проект новой Конституции был направлен на превращение полупрезидентской системы правления в президентскую, предоставлял президенту широкие полномочия и в значительной степени ограничивал роль парламента.

Следует отметить, что, согласно предыдущей Конституции Туниса, принятой в 2014 г., исполнительная власть распределялась между президентом республики и главой правительства (ст. 139 и 163) [Tunisia 2014 ..., 2019]. Тогдашний спикер парламента М. бен Джаффар характеризовал Конституцию 2014 г. как «результат консенсуса» между умеренно-исламистской партией «Ан-Нахда» и оппозиционными группировками, который поможет построить демократическое государство, основанное на «праве и равенстве».

По сравнению с предыдущей Конституцией 1959 г. (с учетом редакции 2002 г.) в Конституцию 2014 г. было внесено множество изменений: например, добавлена целая глава про Конституционный суд (ст. с 191 по 195). Кроме того, в ней впервые в правовой истории арабского мира было закреплено гендерное равенство в выборных собраниях (ст. 11) [Tunisia 2014 ..., 2019] (подробнее о Конституции Туниса 2014 г. см., напр.: [Сапронова, 2014б]).

Конституционная реформа 2022 г., согласно сообщениям СМИ (преимущественно французских), устанавливает президентский режим правления и двухпалатный парламент. Законопроекты, внесенные президентом, рассматриваются в приоритетном порядке. Президент назначает правительство, и для этого ему не требуется согласие со стороны парламента. Для принятия вотума недоверия президенту за это должны проголосовать 2/3 членов обеих палат парламента. Президент также назначает членов Конституционного суда. Тунис описывается как государство – член «исламской уммы», и в тексте Конституции подчеркивается, что «только государство должно работать для реализации целей ислама». Таким образом, реформа, хотя и не переписывает Конституцию заново, но в значительной степени меняет ее. Однако реальное воздействие конституционной реформы 2022 г. на внутреннюю и внешнюю политику Туниса можно будет оценить лишь спустя несколько лет.

В целом из вышеописанного следует, что установить «демократию» в стране недостаточно. Ее необходимо еще сохранить, удержать в условиях традиционной для Востока борьбы кланов. В ближайшем будущем реформы 2022 г., вероятно, приведут к коренным переменам в Тунисе, что может вызвать новую революцию (которая еще сильнее ослабит экономику страны), или даже к отходу Туниса от «демократии» в сторону более привычной для арабских государств диктатуры.

Опыт Египта и Ирака. Арабскую Республику Египет (АРЕ) также не обошли стороной революционные движения «арабской весны». Нужно отметить, что по сравнению с другими странами арабского мира Египет имеет достаточно давние демократические традиции. История избирательного права в стране начинается с

учреждения в 1866 г. Палаты депутатов по инициативе хедива (правителя) Египта Исмаила. Первые политические партии появились в Египте уже в начале XX в., например «Хизб аль-Ватан» («Родина») [Долгов, 2007, с. 132–133]. В рамках настоящей статьи дана лишь краткая характеристика революционных процессов, протекавших в Египте в 2011–2013 гг. (подробнее об истории развития форм правления и внутригосударственного устройства Египта см., напр., [Долгов, 2007 ; Сапронова, 2014а]).

До 2011 г. в течение примерно 30 лет государством управлял Х. Мубарак. Как и в Ливии, такое положение дел вызывало недовольство и со стороны оппозиционных группировок, которые все это время были отстранены от власти, и со стороны ожидавшего реформ молодого поколения. Однако в Египте, в отличие от Ливии, в ходе революции января-февраля 2011 г. власть взяли военные, которые впоследствии передали ее в руки избранной народом гражданской администрации. Тем не менее во время первых в стране «демократических» выборов к власти пришли представители исламистского движения «Братья-мусульмане»* во главе с М. Мурси.

За два последующих года исламистская политика Мурси и его «сопартийцев» нанесла огромный ущерб египетской экономике, последствия чего сказываются и по сей день. В 2013 г. армия осуществила очередной военный переворот, вернула внутриполитическую повестку обратно в более светское русло, и этот курс сохраняется до сих пор.

Что же касается Ирака, то до военного вторжения США в 2003 г. вся власть в стране была сосредоточена в руках одного руководителя – С. Хусейна. Принятая в Ираке автократическая система правления (с элементами культа личности Хусейна), осуществлявшаяся с учетом традиционных ценностей, позволяла в достаточной мере поддерживать стабильность и сохранность государства, а также обеспечивала баланс общественных, родоплеменных и религиозных интересов [Тереенков, 2016]. Это позволяло режиму удерживать различные политические группировки, кланы и религиозные объединения от губительной внутренней гражданской войны. Военная интервенция США и их союзников в 2003 г.

разрушила сложившуюся систему. После свержения и убийства С. Хусейна иракская государственность была уничтожена, и оккупационная администрация запустила процесс реформирования политического устройства страны.

Пришедшая на смену прежнему режиму и существующая поныне система правления является результатом взаимодействия, с одной стороны, жестко структурированных элементов, основанных на американских представлениях о демократическом обществе и созданных с целью обеспечения интересов США, а с другой – рефлексивной реакции шиитских структур, прежде лишенных властных полномочий [Тереенков, 2016]. При этом стоит добавить, что светский иракский шиизм всегда был неоднородным и зачастую враждебным по отношению к религиозному шиизму, находившемуся под значительным влиянием Ирана. Вертикальная федеративная структура власти с одним центром – президентом – была уничтожена. На смену ей пришла ненадежная конфедерация множества парламентских фракций, куда могут входить различные политические партии (за исключением правившей ранее и ныне запрещенной партии Баас).

На обломках иракской государственности, несмотря на усилия США по построению «демократии» в этой стране, возникли различные террористические группировки, которые впоследствии сложились в Исламское государство* (ИГ*). К августу 2022 г. благодаря усилиям России террористы ИГ* были практически полностью уничтожены, но продолжающаяся череда политических кризисов в Ираке не позволяет говорить о том, что ситуация нормализовалась и наконец начался процесс государственного строительства. Осуществленные в стране демократические реформы привели к изменению конституционного законодательства, что позволило сформировать представительные органы власти и создать платформу для проведения выборов [Давыдов, 2017]. Тем не менее допущенные при проведении реформ дискриминационные ошибки (например, в отношении суннитской общины), а также попытки изменить политические институты без смены политической культуры стали причиной роста протестных и сепаратистских настроений, привели к дезинтеграции общества и раско-

лу страны минимум на три практически непримиримых лагеря: суннитов, шиитов и курдов.

Опрос общественного мнения в арабском мире 2021–2022 гг.

В период с октября 2021 г. по апрель 2022 г. в арабских странах Ближнего Востока и Северной Африки по заказу телеканала BBC News Arabic и исследовательской сети «Arab Barometer» был проведен опрос, в котором приняли участие около 23 тыс. человек из Египта, Ирака, Иордании, Ливана, Ливии, Мавритании, Марокко, Судана, Туниса и Палестины. В рамках настоящего исследования особенно интересными представляются вопросы, касающиеся «демократичности», а также вопросы, показывающие отношение населения ряда государств к важным проблемам региональной повестки дня.

Так, 72% опрошенных из Ирака, 70 – из Туниса и 61% из Ливии считают, что при демократической системе государственного устройства экономические показатели страны становятся хуже (информация по Египту отсутствует, поскольку респондентам не предлагали ответить на этот вопрос). Примечательно, что практически во всех исследованных странах такой точки зрения почти в равной степени придерживаются лица разных возрастов, мужчины и женщины, богатые и бедные (наблюдаемая разница по уровню образования в некоторых странах колеблется в пределах от 1% до 12%) (табл. 1).

Таблица 1

Уровень согласия в 2021 г., %	Ирак	Тунис	Ливия
Согласны с мнением, что при демократической системе экономические показатели становятся хуже	72	70	61
Максимальный уровень образования – средний (колледж)	73	69	53
Максимальный уровень образования – высший	72	72	65

Источник: [Robbins, 2022, p. 4].

Схожие результаты были получены и по вопросу о наличии проблем в странах с демократическими системами правления, а

также по поводу неэффективности демократических систем в поддержании порядка и стабильности (табл. 2).

Таблица 2

Уровень согласия в 2021 г., %	Ирак	Тунис	Ливия
Согласны с мнением, что демократические режимы нерешительны и полны проблем	71	67	60
Согласны с мнением, что демократические системы неэффективны в вопросах поддержания порядка и стабильности	70	66	60

Источник: [Robbins, 2022, p. 5].

За последнее десятилетие граждан арабских стран стали больше тревожить потенциальные проблемы, связанные с демократическими формами правления. Во время «арабской весны» 2011 г. лишь немногие думали, что демократия может быть связана с ухудшением экономических показателей или неэффективностью и нерешительностью властей в поддержании порядка и стабильности. Например, в Ираке и Тунисе, где проводились опросы «Arab Barometer» в 2010–2011 гг. (в Ливии к тому времени уже началась гражданская война и опросы не проводились), менее половины респондентов указывали, что экономические показатели в демократическом обществе становятся хуже или что демократические системы неэффективны в вопросах поддержания порядка (табл. 3).

Таблица 3

Уровень согласия в 2011 г., %	Ирак	Тунис	Ливия
Согласны с мнением, что при демократической системе экономические показатели становятся хуже	26	17	Н/Д ¹
Согласны с мнением, что демократические режимы нерешительны и полны проблем	29	19	Н/Д

Источник: [Robbins, 2022, p. 5–6].

¹ Нет данных.

Однако, несмотря на растущую обеспокоенность по поводу демократии, граждане стран Ближнего Востока и Северной Африки в основном по-прежнему утверждают, что, независимо от существующих проблем, демократическая система остается лучшей. При этом если в Тунисе в 2021 г. значения находятся примерно на том же уровне, что и в 2011 г., то в Ираке фиксируется спад на 15% (табл. 4).

Таблица 4

Уровень согласия, %	Ирак		Египет		Тунис		Ливия	
	2011 г.	2021 г.	2011 г.	2021 г.	2011 г.	2021 г.	2011 г.	2021 г.
Согласны с мнением, что, хотя демократические системы имеют проблемы, они тем не менее лучше других систем	83	68	Н/Д	65	70	72	Н/Д	69

Источник: [Robbins, 2022, p. 9–10].

Тем не менее тех, кто считает, что «демократии всегда предпочтительнее других политических систем», все же значительно меньше (табл. 5).

Таблица 5

Уровень согласия в 2021–2022 гг., %	Ирак	Египет	Тунис	Ливия
Согласны с мнением, что демократии всегда предпочтительнее других политических систем	54	53	64	38

Источник: [Robbins, 2022, p. 11–12].

Ислам и демократия на Арабском Востоке

Религиозный фактор исторически играет крайне важную роль в большинстве процессов Арабского Востока. На современном этапе доминирующее положение среди всего конфессионального разнообразия данного региона занимает ислам. По данным исследовательского центра Пью (Pew Research Center), по состоя-

нию на 2010 г. среди всего населения Ближнего Востока и Северной Африки более 93% составляли мусульмане и с каждым годом их доля растет [Hackett, Cooperman, Ritchey, 2015, p. 71]. Ислам обладает статусом государственной религии в 19 из 22 стран – членов Лиги арабских государств (ЛАГ)¹. При этом мусульманское вероучение и его правовая традиция (*фикх*) не имеют строгих установок относительно организации власти, чем, собственно, и обуславливается разнообразие политических систем данного региона – от различных демократий до авторитарных республик и абсолютных монархий [Воскресенский, 2011, с. 63].

Так или иначе взаимодействие религии и политики является одним из самых сложных вопросов современной политической науки. Само противопоставление этих понятий возникло лишь в процессе формирования секулярных обществ в Европе XVIII–XIX вв., когда «в некоторых странах раскол высшей власти усугубился до полного и постоянного разделения духовной и светской власти» [Фрейзер, 2012, с. 213]. В истории же подавляющего большинства стран Востока не было периодов, подобных западному Ренессансу и Просвещению, и идеи секуляризма проникли сюда лишь в колониальную эпоху и получили развитие в контексте вестернизации (модернизации по западному образцу). В мусульманских обществах реакция на попытки разделения власти на светскую и духовную оказалась наиболее острой, поскольку исламская традиция никогда не предполагала противопоставления религии и политики или тем более отчуждения одного от другого.

Секуляризация оказала колоссальное влияние на формирование современного облика евро-американской социокультурной системы, и среди ее элементов, как отметил в своей монографии испанский религиовед Х. Казанова, особенно ярко выделялись следующие [Casanova, 1994, p. 20–25]: 1) трансформация социального пространства с целью исключения религии из политики,

¹ Ислам обладает статусом государственной религии в Алжире, Бахрейне, Джибути, Египте, Иордании, Ираке, Йемене, Катаре, Коморских островах, Кувейте, Ливии, Мавритании, Марокко, ОАЭ, Омане, Палестине, Саудовской Аравии, Сомали и Тунисе. Светскими государствами формально являются Ливан, Судан и Сирия (членство в ЛАГ приостановлено с 2011 г.).

экономики, науки и прочих сфер; 2) «приватизация» религиозной деятельности и культовых практик индивидом или обособленной группой верующих; 3) снижение значимости религиозного мировоззрения в идейно-ценностном пространстве и религиозных институтов в социально-политической системе.

Следует отметить, что данные принципы получили свое воплощение именно в рамках либеральной демократии и конституционно-правового типа государства. Напротив, отсутствие разделения светских и религиозных институтов власти является характерной чертой незападных моделей демократии на Арабском Востоке.

Данный аспект содержательно описал С. Хантингтон в своем знаменитом труде «Столкновение цивилизаций», отметив, что если современные западные концепции разделяют «Царство Божие и царство кесаря», то в мусульманской традиции вера представляет собой образ жизни, выходящий за границы государства и объединяющий религию и политику [Хантингтон, 2021, с. 357]. Весьма интересные соображения по данному вопросу изложены в книге «Ислам и демократия: страх перед современным миром» марокканской исследовательницы Ф. Мернисси, которая объясняет расхождения между политическими традициями евро-американского Запада и мусульманского Востока различием культур, порождающим взаимный «страх» и, как следствие, отторжение [Mernissi, 1992]. В этой связи можно задаться вопросом более широкого характера: насколько совместимы демократия и ислам – как в сфере общественно-политических практик, так и на уровне идейно-ценностного базиса?

Как известно, одной из важнейших компонент демократических систем является законность и верховенство права. Подавляющее большинство западных стран придерживается принципов свободы совести и вероисповедания. Данные концепции закреплены и на уровне международного права в таких документах ООН, как Всеобщая декларация прав человека и Международный пакт о гражданских и политических правах. Однако на Арабском Востоке, где в 19 из 22 стран ЛАГ, как было сказано выше, за исламом закреплён статус государственной религии, духовные инсти-

туты и организации напрямую включены в структуру органов власти. 22 мая 2004 г. (через десять лет после первой неудачной попытки в 1994 г.) Лига арабских государств приняла Арабскую хартию прав человека, которую по состоянию на 2013 г. ратифицировали Алжир, Бахрейн, Ирак, Иордания, Йемен, Катар, Кувейт, Ливан, Ливия, ОАЭ, Палестина, Саудовская Аравия и Сирия [Al-Mithaq ..., 2004].

Несмотря на исключительно декларативный характер Арабской хартии, в которой концепция «естественных прав человека» изложена с позиций исламских ценностей, этот документ вызвал резкую критику со стороны части международного сообщества и ряда западных общественных организаций. Хотя Арабская хартия была опубликована на сайте Верховного комиссариата ООН по правам человека (в версии 1996–2012 гг.) в подборке документов и текстов, «принятых и используемых различными межправительственными, международными, региональными и субрегиональными организациями, направленными на развитие и укрепление демократии» [Arab Charter ..., 2004], Л. Арбур, занимавшая в 2004–2008 гг. должность Верховного комиссара ООН по правам человека, заявила, что она противоречит общепринятому пониманию «универсальных прав человека» – особенно в отношении смертной казни, а также прав женщин и детей. Также с публичной критикой документа выступила международная неправительственная организация «Amnesty International», подготовившая специальный доклад с предложениями по доработке Арабской хартии, чтобы «избежать любого несоответствия между ней и международным правом в области прав человека, особенно в отношении таких вопросов, как насилие против женщин, свобода выражения мнений, мыслей и религии» [Middle East ..., 2004].

Схожая ситуация сложилась и с Каирской декларацией о правах человека в исламе, разработанной Организацией исламского сотрудничества и принятой 45 ее членами в 1990 г. [The Cairo Declaration ..., 2021]. Как и Арабская хартия, данный документ был своеобразным ответом исламского мира на западную концепцию прав человека и сопутствующих ей «универсальных ценностей». Несмотря на то что в Каирской декларации (в редакции от 2020 г.)

отсутствуют прямые ссылки на *фикх* и *шариат*, противоречия между западной правовой традицией, основанной на светском гуманизме, и мусульманской правовой традицией являются очевидным фактом.

Еще в 1970 г. будущий лидер Партии демократического действия, впоследствии первый президент Боснии и Герцеговины А. Изетбегович в своем эссе «Исламская декларация» констатировал, что между исламом и чуждыми ему социально-политическими институтами «не может быть ни мира, ни сосуществования» (цит. по: [Хантингтон, 2021, с. 476–477]). Религиозная принадлежность и ведущая роль ислама является одним из определяющих факторов в жизни общества на мусульманском Востоке, и в частности на Арабском Востоке. От этого зависит не только правовой статус индивида в обществе, но и структура политической лояльности, коренным образом отличающаяся от принятой на Западе модели, поскольку среди арабов и мусульман объектом лояльности является клан, племя или община единоверцев, а не национальное государство [Хантингтон, 2021, с. 293–294].

Тем не менее, несмотря на явные расхождения между идеино-ценностным базисом современной либеральной демократии и политических моделей Арабского Востока, в исламе присутствует целый ряд принципов, соответствующих практикам народовластия. **Во-первых**, как и в старших авраамических религиях – иудаизме и христианстве, основанных на священных писаниях, представляющих собой сакральный закон, – ислам имеет собственную правовую традицию. *Фикх* и *шариат* играют важную роль в регулировании абсолютного большинства аспектов социальных, экономических и политических отношений в обществе, что является практически полным аналогом принципа законности в светских моделях демократии. **Во-вторых**, одним из канонических принципов построения мусульманской государственности является совещательность – *шура* (араб. شورى – совет, совещание). Демократический принцип публичной власти в большинстве арабских стран реализован на уровне политических институтов, чаще всего носящих название *маджлис аш-шура* (араб. مجلس الشورى – совет/палата аш-шура) или *маджлис ан-науаб* (араб. مجلس النواب – совет/палата пред-

представителей, парламент). В Коране даже имеется соответствующая сура под названием «Аш-Шура» («Совет»), где прямо указывается на необходимость решения вопросов общины путем взаимного совета на основе вероучения: «Решение всего, в чем вы расходитесь во мнениях, остается за Аллахом» (42:10) [Коран, 2002, с. 624]. *В-третьих*, несмотря на отсутствие прямых установок, исламская традиция допускает функционирование большинства механизмов демократических моделей, если они отвечают таким понятиям вероучения, как *адль* (араб. عدل – справедливость, правосудие) и *маслаха* (араб. مصلحة – [общее] благо, [общественный] интерес). В частности, принципы *адль* и *маслаха* широко представлены не только в мусульманском богословии, но и в исламской правовой традиции.

Подводя итог, следует отметить, что в арабских республиках существуют следующие проблемы в сфере построения демократичной государственности: 1) отсутствует необходимый политический опыт для поддержания и долгосрочного сохранения демократии; 2) процветают трайбализм и клановость, при этом либо происходит постоянный передел власти, либо власть постоянно сохраняется в одних руках – традиционные процессы для многих режимов Ближнего Востока и Северной Африки; 3) революционная направленность изменений приводит к экономическому спаду, что становится причиной новых революций и нового спада в экономике.

Колоссальную роль во всех социально-политических процессах на Арабском Востоке играет религиозный фактор. Ислам, будучи самой распространенной религией на Ближнем Востоке и в Северной Африке, не только оказывает влияние на политический и законодательный процесс отдельных государств и региональных организаций, но и является одним из «столпов» формирования и развития идейно-ценностного пространства. Вместе с тем, несмотря на очевидные расхождения между современными западными концептами демократии и политической традицией мусульман-

ского Востока, в исламе присутствует ряд практик народовластия, благодаря чему имеются предпосылки для возникновения исламских моделей демократического устройства.

Как показывает практика, формирование демократических режимов западного образца на Арабском Востоке крайне затруднительно, если не невозможно. Несмотря на глобалистские концепции об «универсальных ценностях» и правах человека, арабомусульманские общества обладают ярко выраженной этноконфессиональной спецификой и собственной системой ценностей, которые прямо влияют на политический ландшафт региона. В результате здесь с течением времени возник целый ряд самостоятельных незападных моделей демократии, учитывающих исторические, клановые и религиозные особенности идейно-ценностного пространства региона.

Литература/References

Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. (2022). Идеино-ценностное измерение мировой политики и дихотомия Восток-Запад // Свободная мысль. – Москва. – № 3. – С. 115–120 [Avatkov V., Ostanin-Golovnya V. (2022). The «East-West» dichotomy : ideological and value dimension of world politics [*Ideino-tsennostnoe izmerenie mirovoi politiki i dikhotomiya Vostok-Zapad*] // Svobodnaya mysl. – Moscow. – N 3. – P. 115–120] (in Russian).

Барабанов О.Н. (2021). Незападная демократия и ее трактовки // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – Москва. – 05.11. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nezapadnaya-demokratiya-i-eye-traktovki/> (дата обращения: 10.12.2022) [Barabanov O.N. (2021). Non-Western democracy and its interpretations [*Nezapadnaya demokratiya i ee traktovki*] // Valdai international discussion club. – Moscow. – 05.11. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/nezapadnaya-demokratiya-i-eye-traktovki/> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Большой Ближний Восток как новый феномен геополитической реальности современного мира. (2018) / Центр стратегических оценок и прогнозов. – Москва. – 16.11. – URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/bolshoj-blizhnij-vostok-kak-novyj-fenomen-geopoliticheskoy-realnosti-sovremennogo-mira-8719> (дата обращения: 10.12.2022) [The Greater Middle East as a new phenomenon of the geopolitical reality of the modern world [*Bol'shoi Blizhnii Vostok kak novyi fenomen geopoliticheskoi real'nosti sovremennogo mira*]. (2018) / Center for strategic assessments and forecasts. – Moscow. – 16.11. – URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/340/bol>

shoj-blizhnij-vostok-kak-novyj-fenomen-geopoliticheskoy-realnosti-sovremenno go-mira-8719 (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Вавилов А.И. (2009). Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран : опыт критического анализа. – Москва. – 352 с. [Vavilov A.I. (2009). US policy in the Muslim world on the example of Arab countries : an attempt of critical analysis [*Politika SShA v musul'manskom mire na primere arabskikh stran : opyt kriticheskogo analiza*]. – Moscow. – 352 p.] (in Russian).

Волович А.А. (2004). О планах демократизации Ближнего Востока / Институт Ближнего Востока. – Москва. – 19.08. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=3269> (дата обращения: 10.12.2022). [Volovich A.A. (2004). On plans for the democratization of the Middle East [*O planakh demokratizatsii Blizhnego Vostoka*] / Institute of the Middle East. – Moscow. – 19.08. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=3269> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Воскресенский А.Д. (2011). Общие закономерности, региональная специфика и концепция незападной демократии // Сравнительная политика. – Москва. – № 1 (3). – С. 44–69 [Voskresenskii A.D. (2011). General patterns, regional specifics and the concept of non-Western democracy [*Obshchie zakonomernosti, regional'naya spetsifika i kontseptsiya nezapadnoi demokrati*]] // Comparative politics. – Moscow. – N 1 (3). – P. 44–69] (in Russian).

Давыдов А.А. (2017). Дезинтеграционная демократия? Роль «продвижения демократии» в процессе дезинтеграции Ирака // Вестник Пермского университета. – Пермь. – № 1. – С. 73–86. [Davydov A.A. (2017). A disintegrating democracy? The role of «democracy promotion» in the process of Iraq's disintegration [*Dezintegratsionnaya demokratiya? Rol' «prodvizheniya demokrati*]] // Bulletin of the Perm univ. – Perm. – N 1. – P. 73–86] (in Russian).

Демиденко С.В., Файншмидт Р.И. (2018). Джамахирия как средство от всех болезней : неудачный опыт прямой демократии в Ливии // PolitBook. – Москва. – № 1. – С. 183–194. [Demidenko S.V., Fainshmidt R.I. (2018). Jamahiriya as all diseases medicine : unsuccessful experience of direct democracy in Libya [*Dzhamakhiriya kak sredstvo ot vseh boleznei : neudachnyi opyt pryamoi demokrati*]] // PolitBook. – Moscow. – N 1. – P. 183–194] (in Russian).

Долгов Б.В. (2007). Демократия и исламизм в арабских странах (Алжир, Тунис, Египет) // Политика. – Москва. – № 4 (47). – С. 122–138. [Dolgov B.V. (2007). Democracy and Islamism in Arab countries (Algeria, Tunisia, Egypt) [*Demokratiya i islamizm v arabskikh stranakh (Alzhir, Tunis, Egipet)*] // Politika. – N 4 (47). – P. 122–138] (in Russian).

Дорошенко Е. (2014). Очередной эксперимент : особенности демократии в несостоявшемся государстве : Ливия // Россия в глобальной политике. – Москва. – Т. 12, № 3. – С. 177–185. [Doroshenko E. (2014). Another experiment : features of democracy in a failed state : Libya [*Ocherednoi eksperiment : osobennosti demokratii v nesostoyavshemsya gosudarstve : Liviya*] // Russia in global affairs. – Moscow. – Vol. 12, Issue 3. – P. 177–185] (in Russian).

Дризе Д. (2021). Демократию мало установить, главное – ее удерживать // Коммерсантъ. – Москва. – 27.07. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4918527> (дата обращения: 10.12.2022) [Drize D. (2021). It is not enough to establish democracy, the main thing is to keep it [*Demokratiyu malo ustanovit', glavnoe – ee uderzhat'*] // Kommersant. – Moscow. – 27.07. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4918527> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Егорин А.З. (2009). Муаммар Каддафи / ИВ РАН. – Москва, 2009. – 464 с. [Egorin A.Z. (2009). Muammar Gaddafi [*Muammar Kaddafi*] / IOS RAS. – Moscow. – 464 p.] (in Russian).

Каддафи М. (2012). Завещание. – Москва. – 338 с. [Gaddafi M. (2012). The Testament [*Zaveshchanie*]. – Moscow. – 338 p.] (in Russian).

Каддафи М. (2015). Зеленая книга. – Москва. – 224 с. [Gaddafi M. (2015). The Green Book [*Zelenaya kniga*]. – Moscow. – 224 p.] (in Russian).

Коран. (2002) / Пер. с арабского Э.Р. Кулиева. – Медина. – 1072 с. [Quran [*Koran*]. (2002) / Transl. from Arabic. – Medina. – 1072 p.] (in Russian).

Магид М. (2022). Нелегкий выбор Триполи : восстания и война // Свободная пресса. – Москва. – 22.02. – URL: <https://svpressa.ru/world/article/322771/> (дата обращения: 10.12.2022) [Magid M. (2022). The hard choice of Tripoli : uprisings and war [*Nelegkii vybor Tripoli: vosstaniya i voina*] // Svobodnaya pressa. – Moscow. – 22.02. – URL: <https://svpressa.ru/world/article/322771/> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Международный процесс урегулирования ливийского конфликта. (2020) // РИА Новости. – Москва. – 19.01. – URL: <https://ria.ru/20200119/1563532866.html> (дата обращения: 10.12.2022) [International process for the settlement of the Libyan conflict [*Mezhdunarodnyi protsess uregulirovaniya liviiskogo konflikta*]. (2020) // RIA Novosti. – Moscow. – 19.01. – URL: <https://ria.ru/20200119/1563532866.html> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

НАТО официально завершила свою операцию в Ливии. (2011) // ТАСС. – Москва. – 01.11. – URL: <https://tass.ru/glavnie-novosti/548451> (дата обращения: 10.12.2022) [NATO has officially completed its operation in Libya [*NATO ofitsial'no zavershila svoyu operatsiyu v Livii*] // TASS. – Moscow. – 01.11. –

URL: <https://tass.ru/glavnie-novosti/548451> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Подцероб А. (2011). Ливийская трагедия : причины и последствия // ЦентрАзия. – Москва. – 04.10. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1317702840> (дата обращения: 10.12.2022) [Podtserob A. (2011). Libyan tragedy : causes and consequences [*Liviiskaya tragediya : prichiny i posledstviya*] // CenterAsia. – Moscow. – 04.10. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1317702840> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Посол России в Алжире озвучил позицию Москвы по вопросу Западной Сахары. (2022) // Федеральное агентство новостей. – Москва. – 02.04. – URL: https://riafan.ru/22650219-posol_rossii_v_alzhire_ozvuchil_pozitsiyu_moskvi_po_voprosu_zapadnoi_sahari (дата обращения: 10.12.2022) [The Russian Ambassador to Algeria announced Moscow's position on the issue of Western Sahara [*Posol Rossii v Alzhire ozvuchil pozitsiyu Moskovy po voprosu Zapadnoi Sakhary*]. (2022) // Federal news agency. – Moscow. – 02.04. – URL: https://riafan.ru/22650219-posol_rossii_v_alzhire_ozvuchil_pozitsiyu_moskvi_po_voprosu_zapadnoi_sahari (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Сапронова М.А. (2014а). Египет : 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013) / Институт Ближнего Востока. – Москва. – 292 с. [Sapronova M.A. (2014a). Egypt : 90 years of constitutional transformations (1923–2013) [*Egipet : 90 let konstitutsionnykh transformatsii (1923–2013)*] / Institute of the Middle East. – Moscow. – 292 p.] (in Russian).

Сапронова М.А. (2014б). Новая конституция Туниса : свобода, равенство, ислам // Институт Ближнего Востока. – Москва. – 29.01. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=19583> (дата обращения: 10.12.2022) [Sapronova M.A. (2014b). The new constitution of Tunisia : freedom, equality, Islam [*Novaya konstitutsiya Tunisa : svoboda, ravenstvo, islam*] / Institute of the Middle East. – Moscow. – 29.01. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=19583> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Тереенков К.А. (2016). Взгляд на развитие демократии в Ираке на фоне интервью с А. аль-Барзанджи / Институт Ближнего Востока. – Москва. – 16.12. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=31366> (дата обращения: 10.12.2022) [Tereenkov K.A. (2016). A look at the development of democracy in Iraq against the backdrop of an interview with A. al-Barzanji [*Vzglyad na razvitie demokratii v Irake na fone interv'yu s A. al'-Barzandzhi*] / Institute of the Middle East. – Moscow. – 16.12. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=31366> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Тюрин И.В. (2017). Концепция джамахирии в политическом процессе Ливии : обобщение идей Муаммара Каддафи // Теории и проблемы политических исследований. – Ногинск. – Т. 6, № 1А. – С. 18–25. – URL:

<http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2017-1/2-tyurin.pdf> (дата обращения: 10.12.2022) [Tyurin I.V. (2017). The concept of Jamahiriya in Libyan politics : synthesis of Muammar Gaddafi's ideas [*Kontseptsiya dzhamaikhirii v politicheskom protsesse Livii : obobshchenie idei Muammara Kaddafi*] // Theories and problems of political studies. – Noginsk. – Vol. 6, Issue 1A. – P. 18–25. – URL: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-politology-2017-1/2-tyurin.pdf> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Файез Саррадж покинул пост самолетом. (2021) // Коммерсантъ. – Москва. – 15.02. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692731> (дата обращения: 10.12.2022) [Fayez Sarraj left the office by plane [*Faiez Sarradzh pokinul post samoletom*]. (2021) // Kommersant. – Moscow. – 15.02. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4692731> (date of access: 10.12.2022)] (in Russian).

Фрейзер Дж.Дж. (2012). Золотая ветвь : исследования магии и религии / Пер. с англ. М.К. Рыклина. – Москва : Академический проект. – 854 с. [Frazer J.G. (2012). The Golden Bough : a study in magic and religion [*Zolotaya veto' : issledovaniya magii i religii*] / Transl. from English. – Moscow : Academic project. – 854 p.] (in Russian).

Хантингтон С. (2021). Столкновение цивилизаций / Пер. с англ. Т. Велимеева. – Москва. – 640 с. [Huntington S. (2021). Clash of civilizations [*Stolknovenie tsivilizatsii*] / Transl. from English. – Moscow. – 640 p.] (in Russian).

Шамаров П.В. (2019). Модель трансатлантического миротворчества НАТО // Обозреватель. – Москва. – № 11(358). – С. 27–38. [Shamarov P.V. (2019). Model of NATO transatlantic peacekeeping [*Model' transatlanticheskogo mirotvorchestva NATO*] // Obozrevatel. – Moscow. – N 11 (358). – P. 27–38] (in Russian).

Al-Mithaq al-Arabi li-Huquq al-Insan [Arab Charter on Human Rights]. (2004) / League of Arab States. – Cairo. – 23.05. – 20 p. – URL: <http://www.lasportal.org/ar/legalnetwork/Documents/العربي%20الميثاق%20للحقوق%20الانسان.pdf> (date of access: 10.12.2022). (In Arabic).

Amara T., Mcdowall A. (2021). Tunisian democracy in turmoil after president sacks government // Reuters. – London. – 27.07. – URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/tunisian-democracy-crisis-after-president-ousts-government-2021-07-26/> (date of access: 10.11.2022).

Arab Charter on Human Rights. (2004) / UN. Office of the High Commissioner for Human Rights. – New York. – URL: https://www2.ohchr.org/english/law/compilation_democracy/arabcharter.htm (date of access: 10.11.2022).

Casanova J. (1994). Public religions in the modern world. – Chicago, IL. – 340 p.

Egypt 2014 (rev. 2019) Constitution. (2019) // Constitute / Univ. of Texas ; Univ. of Chicago. – Austin, TX ; Chicago, IL. – URL: https://constituteproject.org/constitution/Egypt_2019?lang=en (date of access: 10.12.2022).

En Tunisie, la nouvelle Constitution adoptée par une très large majorité des votants, la participation réévaluée à 30,5%. (2022) // Le Monde. – Paris. – 27.07. – URL: https://www.lemonde.fr/afrique/article/2022/07/27/en-tunisie-la-nouvelle-constitution-adoptee-a-une-tres-large-majorite_6136261_3212.html (date of access: 10.12.2022).

Fukuyama F. (1989). The End of History? // The National Interest. – Washington, D.C. – N 16. – P. 3–18.

Hackett C., Cooperman A., Ritchey K. (2015). The future of world religions : population growth projections, 2010–2050. – Washington, D.C. – 246 p.

Lieven A. (2006). The two Fukuyamas // The National Interest. – Washington, D.C. – 01.06. – URL: <https://nationalinterest.org/bookreview/the-two-fukuyamas-363?nopaging=1> (date of access: 10.12.2022).

Lotito N.J. (2021). Tunisia's president launched a political crisis : is it a coup? // The Washington Post. – Washington, D.C. – 29.07. – URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2021/07/29/tunisias-president-launched-political-crisis-is-it-coup/> (date of access: 10.11.2022).

Mernissi F. (1992). Islam and democracy : fear of the modern world. – Reading, MA. – 196 p.

Middle East and North Africa : re-drafting the Arab Charter on Human Rights : building for a better future. (2004) / Amnesty International. – London. – URL: <https://www.amnesty.org/en/documents/mde01/002/2004/en/> (date of access: 10.11.2022).

Parker C. (2021). Tunisia's president fires prime minister, dismisses government, freezes parliament // The Washington Post. – Washington, D.C. – 26.07. – URL: <https://www.washingtonpost.com/world/2021/07/25/tunisia-saied-mechichi-parliament/> (date of access: 10.11.2022).

Robbins M. (2022). Democracy in the Middle East and North Africa / Arab Barometer. Princeton univ. – Princeton, NJ. – 15 p. – URL: https://www.arabbarometer.org/wp-content/uploads/ABVII_Governance_Report-EN-1.pdf (date of access: 10.11.2022).

Summit for democracy : summary of proceedings. (2021) / The White House. – Washington, D.C. – 23.12. – URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/12/23/summit-for-democracy-summary-of-proceedings/> (date of access: 10.11.2022).

The Cairo Declaration of the Organization of Islamic Cooperation on Human Rights. (2021) / Organization of Islamic Cooperation. – Cairo. – 9 p. – URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/en/CDHRI_2021_ENG.pdf (date of access: 10.11.2022).

Tunisia 2014 (rev. 2019) Constitution. (2019) // Constitute / Univ. of Texas ; Univ. of Chicago. – Austin, TX ; Chicago, IL. – URL: https://constituteproject.org/constitution/Tunisia_2014?lang=en (date of access: 10.11.2022).

DOI: 10.31249/ape/2023.01.13

Krylov D.S.¹, Ostanin-Golovnya V.D.²
Non-Western models of democracy
in the Arab East: ideological and value aspects

Abstract. *The article analyzes the features of democracy building in the states of the Arab East as a whole and on the examples of particular countries, taking into account the ethno-confessional, ideological and value specifics of this region. Within the framework of statistical, comparative and historical methods of research, as well as the method of system analysis and the ideological and value approach, the results of the «export of democracy» carried out by the countries of the «collective West» in the Middle East and North Africa in the late 20th and early 21st centuries are considered, using as an example the experience of four states: Tunisia, Libya, Egypt and Iraq. The results of social surveys conducted in the Arab East in 2021–2022 are analyzed. It is concluded that in the Arab countries there are no cases of successful building and long-term preservation of democracy. At the same time, traditional tribalism and clannishness continue to play a key role in public life even during the transition from an authoritarian form of government to a democratic one. In addition, in many Arab countries, the transition to democracy was carried out through revolution, which led to a serious weakening of the economic potential of these states, which, in turn, contributed to a new upsurge of revolutionary sentiments. The authors pay special attention to the religious factor, since Is-*

¹ **Krylov Danila Sergeevich** – Researcher INION RAS (danila-krylov@yandex.ru).

² **Ostanin-Golovnya Vasily Dmitrievich** – Researcher INION RAS (ostanin-golovnya@yandex.ru).

lam is not only the basis of the historical appearance of the region in question and the Arab-Muslim civilization as a whole, but also traditionally plays a crucial role in the socio-political processes in the Muslim East.

Keywords: Arab East, Middle East, North Africa, democracy, non-Western democracy, Islamic democracy, ideological and value-based approach.

Статья поступила в редакцию (Received) 11.11.2022.

Доработана после рецензирования (Revised) 15.12.2022.

Принята к публикации (Accepted) 23.12.2023.